DOI: 10.53737/2713-2021.2025.22.60.023

М.С. Гатин, Л.Ф. Абзалов, И.А. Мустакимов, Р.Ю. Почекаев

ТЕРРИТОРИИ НА ОСОБОМ ПОЛОЖЕНИИ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ГОСУДАРСТВАХ*

Статья представляет собой исследование средневековых правовых памятников — ярлыков о назначении эмира ольке из трактата второй половины XIV в. «Дастур ал-катиб», написанного чиновником Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани, которые впервые публикуются в русском переводе. На основе междисциплинарного анализа авторы предпринимают попытку характеристики статуса этого чиновника, а также выяснения специфики самой административно-территориальной единицы под названием «ольке». В рамках исследования также проводятся параллели между эмиром ольке в монгольском Иране и возможными аналогами этой должности в других чингизидских государствах, в частности, в Золотой Орде (Улусе Джучи). Авторы приходят к выводу, что эмир ольке являлся наместником административно-территориальной единицы (вилайета, провинции), в которой было введено своего рода особое или чрезвычайное положение, что и объясняет экстраординарные полномочия этого чиновника. Сведения, содержащиеся в анализируемых документах, позволяют существенно расширить представления об особенностях административно-территориального устройства чингизидских государств XIII—XIV вв. и системе их регионального управления.

Ключевые слова: Монгольская империя, монгольский Иран, Золотая Орда, ханские ярлыки, административно-территориальное устройство, чрезвычайное положение.

Сведения об авторах: Гатин Марат Салаватович[2], кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет; Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова; Абзалов Ленар Фиргатович[1], кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет; Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова; Мустакимов Ильяс Альфредович[3], кандидат исторических наук, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева; Почекаев Роман Юлианович[4], доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге.

Контактная информация: [1,2]420111, Россия, г. Казань, Лево-Булачная ул., 44, Казанский (Приволжский) федеральный университет; 140104, Республика Узбекистан, г. Самарканд, Университетский б-р, 15, Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова, e-mail: [1]len_afzal@mail.ru; [2]marat_gata@mail.ru; [3]010000, Республика Казахстан, г. Астана, 010000, ул. Пушкина, 15Б, Научный институт изучения Улуса Джучи; Республика Казахстан, г. Астана, ул. К. Сатпаева, д. 2, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, e-mail: imus2007@mail.ru; [4]194100, Россия, г. Санкт-Петербург, Кантемировская ул., 3, корп. 1, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, e-mail: rpochekaev@hse.ru.

M.S. Gatin, L.F. Abzalov, I.A. Mustakimov, R.Yu. Pochekaev

TERRITORIES UNDER SPECIAL RULE IN THE MEDIEVAL TURKIC-MOGOL STATES

The article is a research of medieval legal monuments — yarliks on the appointment of emir of ölkä from the treatise “Dastur al-katib” written by Muhammad b. Hindushah Nahchivany in the second half of the 14th c.

* Издание осуществлено при поддержке Фонда Ибн Сины и на основании конкурса на соискание грантов имени Ибн Сины. № проекта: 2025.02.07.

Статья поступила в номер 12 августа 2025 г.
Принята к печати 28 августа 2025 г.

© Л.Ф. Абзалов, М.С. Гатин, И.А. Мустакимов, Р.Ю. Почекаев, 2025.

There is the first Russian translation of these documents. Authors use interdisciplinary analysis to characterize the legal status of this officer and clarifying of the specific features of the administrative territorial unit named “ölkä”. Also there is a drawing of a parallel between ölkä in the Mongol Iran and its possible analogues in other Chinggisid states, in particular the Golden Horde (Jochi Ulus). Author find that emir of ölkä was a governor of the administrative territorial unit (vilayet, province) where the special rule or state of emergency was imposed, and that was a reason of special power of this officer. The information from the analyzed documents allows to widen substantially or view on the specific features of administrative territorial division of the medieval Turkic-Mongol states and the system of regional authorities.

Key words: Mongol Empire, Khulaguid state, Golden Horde, khans’ yarliks, administrative territorial system, state of emergency.

About the authors: Gatin Marat Salavatovich[2], PhD (History), Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University; Samarkand State University named after Sharof Rashidov; Abzalov Lenar Firgatovich[1], PhD (History), Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University; Samarkand State University named after Sharof Rashidov; Mustakimov Ilias Al’fredovich[3], PhD (History), L.N. Gumilyov Eurasian National University; Pochekaev Roman Yulianovich[4], Dr. habil. (History), PhD (Law), Professor, HSE University in St. Petersburg.

Contact information: [1,2]420111, Russia, Kazan, Levo-Bulachnaya Str., 44, Kazan (Volga Region) Federal University; 140104, Republic of Uzbekistan, Samarkand, Universitetskiy Av., 15, Samarkand State University named after Sharof Rashidov, e-mail: [1]len_afzal@mail.ru, [2]marat_gata@mail.ru; [3]010000, Republic of Kazakhstan, Astana, Pushkin Str., 15B, Research Institute for Jochi Ulus Studies; 010000, Republic of Kazakhstan, Astana, 2 K. Satpayev Str., L.N. Gumilyov Eurasian National University, e-mail: imus2007@mail.ru; [4]194100, Russia, Saint Petersburg, Kantemirovskaya Str., 3, bd. 1, HSE University in Saint Petersburg, e-mail: rpochekaev@hse.ru.

Вторая часть (кисм) трактата «Дастур ал-катиб фи та’йин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней»), составленного персидским чиновником Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани в 1360-х гг., посвящена характеристике постановлений дивана и административных должностей, существовавших в монгольском Иране в эпоху правления Хулагуидов и их преемников Джалаиров. Собственно административным должностям посвящена первая глава (баб) этой части, имеющая название «О поручении постов и должностей монгольским эмирам, везирам, членам Великого Дивана, шариатских должностей нижеописанным образом» и включающая в себя около 150 образцов ханских ярлыков о назначении на различные чиновные должности. Состоит эта глава из трех разделов (зарб), посвященных, соответственно, «постам и должностям монгольских эмиров и их слуг» (Нахчивани 1976: 8—72 араб. паг.), «постам и должностям везирам и членам Великого Дивана» (Нахчивани 1976: 72—177 араб. паг.) и «постам, связанным с отправлением духовных обязанностей» (Нахчивани 1976: 177—255 араб. паг.).

Для исследователей истории, государства и права чингизидских государств (и, в частности, тех из них, которые имели интересы в Причерноморье — а именно Золотой Орды и монгольского Ирана) наибольший интерес представляют примеры ярлыков из первого зарба, то есть, о назначении на должности монгольских и тюркских сановников. По сути, это — единственная официальная информация правового характера о статусе, правах и должностных обязанностях этих чиновников, которые, как совершенно справедливо полагают исследователи, функционировали не только в монгольском Иране, но и в Золотой Орде (см., напр.: Греков, Якубовский 1998: 98—99, 101, 104). Неслучайно первый исследователь и переводчик этих ярлыков с персидского оригинала — австрийский востоковед Й. фон Хаммер-Пургшталь включил свои переводы 36 документов из «Дастур ал-катиб» именно в исследование по истории Золотой Орды (Hammer-Purgstall 1840: 463—516).

Номенклатура тюрко-монгольских должностей, которой посвящен первый зарб трактата Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани, включает двенадцать должностей, из которых наше внимание привлек второй параграф (фасл) «О препоручении должности эмира ольке», содержащий три «вида» (образца) ярлыков. В настоящей статье мы намерены предпринять попытку выяснения статуса этого чиновника, а также и самого термина «ольке».

Этот термин уже привлекал внимание специалистов. В частности, немецкий тюрколог Г. Дёрфер посвятил ольке специальную статью в своем фундаментальном словаре (Doerfer 1963: 145—147). Согласно наблюдениям Г. Дёрфера, термин «ольке» имеет монгольское происхождение, и его оригинальное значение было «предгорье, местность у подножия гор» (см. также: Козин 1941: 463, 467, 553; Rachewiltz 2004: 700). Однако, как указывает исследователь, в персоязычных источниках этот термин стал уже обозначать «область», «территорию», причем разные средневековые авторы подчеркивают специфику этого региона. Так, у Рашид ад-Дина — это просто регион под управлением шихнэ (он же даруга или баскак). Тадж ад-Дин Салмани, тимуридский историк начала XV в., обозначает этим термином область, которую еще предстояло покорить, тогда как его коллега и современник Муин ад-Дин Натанзи и несколько более поздний тимуридский автор Абд ар-Раззак Самаркани упоминают «ольке» в качестве территорий, которые уже были пожалованы потомкам или сподвижникам Тамерлана после завоевания. Джалал ад-Дин Давани, персидский ученый, являвшийся приближенным пост-монгольских правителей Ирана из династий Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу, употреблял термин «ольке» в значении «провинция». Г. Дёрфер, как видим, фиксирует упоминания «ольке» преимущественно в нарративных источниках. Соответственно, данные упоминания ситуативны и лапидарны. А отождествление ольке с территорией, провинцией, владением вообще ставит под вопрос специфику данного термина. Тем более, что об эмире ольке, ярлыки о назначении которого в «Дастур ал-катиб», собственно, и привлекли наше внимание, в этих источниках вообще речи не идет.

Краткую характеристику понятия «ольке» дал также и другой немецкий исследователь Г. Херрманн в работе, посвященной документам монгольского Ирана XIII—XIV вв. В комментарии к 29-му документу (в котором упоминается ольке) Г. Херрманн пишет, что термин происходит от монгольского слова ölkä — «территория, область, район». Это понятие, по предположению ученого, в этом документе впервые обозначает налог, взимаемый для «амир-и ольке», который занимал положение между эмиром улуса и эмиром десяти тысяч. Он отвечал за обеспечение защиты населения от мятежников, повстанцев и смутьянов в провинции, куда он назначался со своими людьми, а при необходимости и с воинами (Hermann 2004: 179, 181).

Обращаясь к опыту Монгольской империи и ее улусов, исследователи подчеркивают определенный дуализм их административно-территориальной системы: каждое из чингизидских государств делилось на области проживания кочевников с тюркскими или монгольскими эмирами во главе и на оседлые территории, которыми управляли либо вассальные правители, либо ханские наместники из числа местных властных элит, лояльные к завоевателям. Так, например, во второй половине XIII в. Багдадскую провинцию много лет возглавлял знаменитый историк Ала ад-Дин Ата-Малик Джувейни, а Исфаханскую — его племянник Баха ад-Дин Джувейни (Кораев 2006: 30). В начале XIV в. целый ряд сыновей везира и ученого Рашид ад-Дина также стоял во главе провинций Ильханата (Рашид ад-Дин 1971: 198, 230, 282, 295, 323, 345) и т.д. Такие правители именовались маликами, хакимами и пр.

Интересы монгольских властей в таких регионах представляли шихнэ, которые, в зависимости от их ранга, были либо правителями небольших городов и селений, либо же своего рода «приставами» при вышеупомянутых маликах или хакимах. Их основной задачей был контроль лояльности правителей, стабильности в регионе, своевременного и полного сбора налогов в ханскую казну и т.д.[1].

Какие же причины могли привести к тому, что вся полнота власти над таким регионом (провинцией, вилайетом) могла быть передана тюркскому или монгольскому чиновнику? Ответ на этот вопрос следует искать в вышеупомянутых ярлыках о назначении эмира ольке, перевод которых мы приводим ниже. Как уже было сказано, в «Дастур ал-катиб» приведено три образца таких ярлыков, и первый из них в свое время был переведен Й. фон Хаммером-Пургшталем, поэтому ниже приводится перевод с его немецкого варианта этого документа, а

[1] Ярлыки о назначении на должность шихнэ из «Дастур ал-катиб» уже стали предметом специального исследования (Мустакимов и др. 2025).

также перевод с современного оригинала. Перевод двух других образцов до сих пор в научный оборот не вводился[2] и, соответственно, впервые публикуется в настоящей статье.

Перевод документов

Перевод Й. фон Хаммер-Пургшталя (Hammer 1840: 464—465)[3]	**Перевод с оригинала (Нахчивани 1976: 20—25 араб. паг.)**[4]
II. Грамота [ярлык] удельному князю (эмиру ольке), первый [образец] Судьи, сейиды или правильнее сеиды?, военачальники, наместники, управители, писцы и все жители страны должны знать следующее: Так как те области были опустошены и люди изгнаны из своих привычных мест жительства, и как стало известно, что вражеские армии вторглись туда и ограбили насельников, все это требует исправления, которое может быть достигнуто только путем назначения храброго, осмотрительного, справедливого, беспристрастного мужа с большой свитой и многочисленным войском, мы поручили эмирство той области Мелик-Тимуру[5], одному из наших великих эмиров и которому поручались великие дела, и укрепили его руку в связывании и решении дел, в сужении и расширении государственных вопросов, так, дабы, обладая своей совершенной работоспособностью и весом, исключительной стойкостью и активностью он мог решать важные дела области и направлять свое внимание на улучшение положения подданных, исправление слабостей и немощей, чтобы давал отпор угнетателям и преступникам, истреблял врагов и недоброжелателей, мятежников и возмутителей спокойствия и не допускал, чтобы с кем-либо из Божьих созданий произошла малейшая несправедливость. Посему приказ этой грамоты вступает в силу, дабы с начала года он был признан эмиром области, чтобы во всех вышеупомянутых случаях подчинялись ему, его представителям и доверенным лицам, и никто не отступал от его слов и советов, что обеспечит изгнание непримиримых и непокорных и приведет к истреблению всех врагов и неприятелей. Ежегодно из доходов казны должна выделяться определенная сумма на покрытие его расходов и на содержание	**Раздел второй. О препоручении [должности] эмира ольке** **Вид первый.** Сеиды, кадии, наместники (حكـــام), помощники [наместников] (نـــواب), начальники округов (متصرفان), писцы (بتيكچيـان), все жительствующие и проживающие в таком-то вилайете да ведают [нижеследующее]. Поелику тамошнее расстроенное состояние и покидание жителями и насельниками привычного местожительства и обычного местопребывания вызвано нападениями войск бунтовщиков и неприятелей и чинимыми [ими] грабежами [мирных] жителей, требуется направить все старания на исправление и восстановление того урона и ущерба. Эта цель может быть достигнута не иначе, как назначением человека, отмеченного храбростью, энергичностью, обладателя твердых и верных решений, справедливого и правосудного, имеющего большую свиту и многочисленное войско. В соответствии с изложенным мы препоручили должность эмира того ольке Малик-Тимуру, являющемуся одним из величайших эмиров эпохи, всегда находившемуся при исполнении важных дел, и уполномочили его решать дела и блюсти общественные интересы с тем, чтобы он в соответствии со своей совершенной компетентностью, чрезвычайной доблестью и проницательностью, полной предусмотрительностью занялся управлением делами вилайета, улучшением положения подданных, собиранием рассеянного, укрощением тиранов, возмещением ущерба, исправлением ошибок, отражением врагов, искоренением мятежников, изгнанием бунтовщиков и не допускал, чтобы кому бы то ни было были причинены несправедливость и насилие.

[2] Во второй половине XIX в. выдающийся российский востоковед В.Г. Тизенгаузен предпринял попытку первых тринадцати ярлыков из «Дастур ал-катиб», среди которых были и образцы ярлыков о назначении эмира ольке, которые он перевел как «о поручении эмирам улуса» (АВ ИВР РАН. Ф. 52. Ед.хр. 14—16. Л. 221—222 об.). Однако этот перевод представляет собой черновой вариант, многократно исправлявшийся автором, и его публикация в таком виде вряд ли целесообразна.

[3] Перевод с немецкого языка выполнен М.С. Гатиным.

[4] Перевод с персидского языка выполнен И.А. Мустакимовым.

[5] Отождествить это лицо с каким-либо известным историческим деятелем не удалось.

приданных ему сотен и войск, дабы он мог быть готов к отражению врагов и нести подобающую службу; эмиры и войска, находящиеся на той границе, должны, когда того потребуют государственные дела, без промедления выступать по его приказу и слушаться его во всём.	По этой причине сей указ вступает в силу, дабы с начала года его[6] признавали эмиром ольке того вилайета, во всех упомянутых случаях обращались исключительно к нему, его помощникам и уполномоченным, не преступали его распоряжений и благоусмотрения в том, что касается отражения насильников и мятежников и того, что станет причиной искоренения и уничтожения врагов и бунтовщиков. Пусть на покрытие его расходов и расходов находящихся при нем эмиров сотен и воинов ему ежегодно выделяется такая-то сумма (приводится сумма[7]) из взимаемых там налогов и податей, чтобы он тратил ее на свои нужды и на нужды эмиров сотен и воинов, занимался отражением соперников и прилагал [к их выполнению] похвальные старания. Эмиры и воины, находящиеся в тех пределах и [их] окрестностях, во всех случаях, когда он пошлет за ними для дела, касающегося всего вилайета и для предотвращения причинения вреда подданным, пусть выступают незамедлительно и в полной экипировке, находятся на [его] службе, оказывают [ему] помощь и не противятся [его распоряжениям]. Если по причине их нерадения будет нанесен ущерб, они должны быть наказаны. Пусть [все] ведают [вышеизложенное] и верят [написанному]. Писано в … **Вид второй.** Сеиды, кадии, наместники (حكـــام), помощники [наместников] (نـــواب), начальники округов (متصرفان), писцы (بتيكچيـان), все жительствующие и проживающие в таком-то вилайете да ведают [нижеследующее]. Поелику эмир Мухаммед[8] отмечен чрезвычайной справедливостью и беспристрастностью, является вместилищем отваги, доблести и компетентности и способностей, непрерывно занят свершением важных дел и прилагает похвальные старания к их выполнению, мы препоручили ему должность тамошнего эмира ольке с тем, чтобы он занимался защитой вилайета и обереганием подданных, как это ожидается от его чрезвычайной компетентности и справедливости, почитал своей обязанностью отражать мятежников и бунтовщиков, искоренять повстанцев и неприятелей, не допускал причинения насилия и совершения вымогательства в отношении кого бы то ни было, и сделал людей довольными и удовлетворенными своей многой

[6] Т.е. Малик-Тимура. — *И.М.*
[7] Примечание в документе. — *И.М.*
[8] Отождествить это лицо с каким-либо известным историческим деятелем не удалось.

	справедливостью и совершенной беспристрастностью. По этой причине настоящий указ вступает в силу с тем, чтобы с начала этого года его признавали эмиром ольке того вилайета, во всех случаях, связанных с отправлением этой должности, обращались к нему, подчинялись и повиновались его приказам и распоряжениям, соответствующим закону справедливости и правилу беспристрастности. Пусть ежегодно выплачивают ему и его нукерам из взимаемых там налогов и податей нижеупомянутую сумму (приводится сумма[9]), чтобы они тратили ее на свои нужды и занимались этим важным делом. Пусть никто не оспаривает их прерогативы. **Вид третий.** Поелику такой-то из сообщества эмиров и приближенных выделяется полной компетентностью, многой отвагой и доблестью, чрезвычайной справедливостью и беспристрастностью, будучи непрерывно занятым свершением важных деяний и всей совокупности [необходимых] дел, постиг все тонкости их отправления, должность эмира ольке такого-то вилайета, достойную его способностей, мы препоручили ему и наделили его полной мочью в этом важном деле и весомом вопросе с тем, чтобы он занимался защитой вилайета и подданных, как это ожидается от его чрезвычайной компетентности и справедливости, и не допускал нанесения ущерба ни от одного влиятельного лица (متغلب) и насильника (متعــدی), карал неприятелей, противников, мятежников и бунтовщиков и не позволял им налагать длань насилия на подданных и слабых, в связи с чем молва о его праведных деяниях побуждала всех [их] ежедневно возносить [за него] благодарность, и он удостоился бы славы. По этой причине настоящий указ вступает в силу с тем, чтобы с начала года тамошние сеиды, наместники (حكام), кадии, начальники округов (متصرفان) признавали его эмиром ольке, во всех случаях, связанных с отправлением этой должности, обращались к нему, не преступали его распоряжений и благоусмотрения. Имея в виду, что он обладает всеми полномочиями, связанными с занятием этой должности, пусть выплачивают ему через его доверенных лиц такую-то сумму в динарах, составляемую из взимаемых там налогов и податей, установленную в качестве жалования для него Великим Диваном и внесенную в протокол совещания (در متــن مــوامره مســطور) [Великого Дивана] и изданы соответствующие

[9] Примечание в документе. — *И.М.*

	бераты. Пусть выплачивают ему все сполна, дабы он тратил эти средства на себя и [своих] нукеров и занимался этим важным делом.

Как известно, анализируемый трактат является своеобразной инструкцией и учебным пособием для делопроизводителей ханской канцелярии, в котором помимо конкретных советов по письмоводству представлены образцы документов. В «Дастур ал-катиб», как правило, первый документ пространный, другие же образцы в соответствии с логикой изложения «пособия» более лаконичны. И в нашем случае, автор первоначально приводит более полный образец, включая в него отдельные элементы начального (инскрипция) и конечного протокола («Писано в» كتب في). После инскрипции, посредством формулы-оповещения «да ведают [нижеследующее]» (بدانند کی) автор переходит к основной части документа, традиционно начинающийся союзом نوچ («поскольку», «поелику»). Корпус документа представлен наррацией, диспозицией и санкцией. Во втором образце также представлен адресат из начального протокола, наррация и диспозиция корпуса документа. В третьем образце, отсутствует инскрипция, но в диспозиции представлено обращение с предписаниями к должностным лицам (адхортация). Как видим, автор приводит разные вариации написания указа о назначении эмира ольке, с характерным для чингизидских канцелярий формуляром.

Итак, перед нами три документа примерно одинакового содержания. К сожалению, нам не удалось соотнести сановников, назначаемых на должность эмира ольке в первых двух ярлыках, с конкретными деятелями, известными по другим источникам (в первую очередь — по причине широкого распространения их имен), а в третьем имя будущего эмира вообще отсутствует. Поэтому у нас нет возможности определить ни даты издания ярлыков, ни те регионы, в которые эти эмиры назначались на соответствующую должность. Тем не менее, как представляется, анализ этих документов позволяет пролить свет на причины, по которым данные территории приобретали статус ольке, а сановники, назначаемые управлять ими — свои широкие полномочия.

В первом образце интересующие нас сведения содержатся прямо в наррации, то есть, изложение причин выдачи ярлыка и назначения соответствующего сановника. Составитель документа сообщает, что «тамошнее расстроенное состояние и покидание жителями и насельниками привычного местожительства и обычного местопребывания вызвано нападениями войск бунтовщиков и неприятелей и чинимыми [ими] грабежами [мирных] жителей». Ниже в указе ему предписывается, чтобы он «занялся управлением делами вилайета, улучшением положения подданных, собиранием рассеянного, укрощением тиранов, возмещением ущерба, исправлением ошибок, отражением врагов, искоренением мятежников, изгнанием бунтовщиков и не допускал, чтобы кому бы то ни было были причинены несправедливость и насилие». Как видим, речь идет о какой-то чрезвычайной ситуации: внешнем нападении и/или внутреннем мятеже, сопровождавшемся, к тому же, разгулом преступности, посягательств на личности и имущество местных жителей. Как уже отмечено выше, определить время описываемых событий и регион, в котором они происходили, невозможно, поэтому остается лишь высказывать предположения — идет ли речь о некоей пограничной области, подвергшейся вторжению иностранных захватчиков, либо же о регионах, охваченных внутренней смутой, восстанием и т.п.

Во втором и третьем образцах подобное изложение обстоятельств отсутствует, и они сразу начинаются с характеристик личных и профессиональных качеств сановников, которые назначаются ими на должность эмира ольке. Тем не менее, и в них содержатся сведения о том, что в регионы, куда направляются вновь назначенные эмиры, сложились какие-то чрезвычайные обстоятельства. Так, во втором документе от эмира Мухаммеда требуется, чтобы он «занимался защитой вилайета и обереганием подданных…, почитал своей обязанностью отражать мятежников и бунтовщиков, искоренять инсургентов и неприятелей». В третьем ярлыке от вновь назначенного эмира ожидается, «чтобы он

занимался защитой вилайета и подданных…, и не допускал нанесения ущерба ни от одного влиятельного лица и насильника, карал неприятелей, противников, мятежников и бунтовщиков и не позволял им налагать длань насилия на подданных и слабых».

Таким образом, содержание анализируемых правовых памятников дает основание полагать, что ольке — это, скорее всего, не особая разновидность административно-территориальной единицы, отличная от улуса, вилайета, тумена и т.д. По-видимому, этот термин обозначал регион (тот же вилайет или провинция), в котором возникла чрезвычайная ситуация, для устранения последствий которой было введено особое положение и направлен временный правитель с экстраординарными полномочиями. На это прямо указывается в анализируемых ярлыках. Так, в первом указе Малик-Тимур наделяется всей полнотой власти «в том, что касается отражения насильников и мятежников и того, что станет причиной искоренения и уничтожения врагов и бунтовщиков». Второй ярлык предписывает, чтобы местные представители власти и население повиновались эмиру Мухаммеду, «во всех случаях, связанных с отправлением этой должности, обращались к нему, подчинялись и повиновались его приказам и распоряжениям». В третьем ярлыке прямо говорится о наделении неназванного по имени эмира ольке «полной мочью в этом важном деле и весомом вопросе», «всеми полномочиями, связанными с занятием этой должности». Именно поэтому параграф об эмире ольке в «Дастур ал-катиб» расположен выше параграфа об эмире десяти тысяч (темнике): его властная компетенция была гораздо шире, чем у рядового правителя тюмена.

Кто же должен был оказывать содействие эмиру ольке в реализации его экстраординарных полномочий? Ответ на это дает перечень адресатов ярлыков. В первом и втором документах их список практически идентичен: «сеиды, кадии, наместники, помощники [наместников], начальники округов, писцы, все жительствующие и проживающие в таком-то вилайете». В третьем перечень несколько более узок, но в принципе охватывает тот же круг должностных лиц: «сеиды, наместники, кадии, начальники округов». Таким образом, речь идет фактически о переходе полноты власти от гражданской администрации, которая управляла соответствующим регионом до возникновения чрезвычайной ситуации к своего рода «военному губернатору».

Каким образом он должен был выполнить поставленную перед ним задачу? Ярлыки содержат перечень обязанностей эмира ольке. Малик-Тимуру в первом акте предписано, чтобы он принял полноту власти в вилайете, вернул бежавших жителей («занялся… собиранием рассеянного»), выступил против внутренних мятежников и внешних противников («искоренение и уничтожение врагов и бунтовщиков»). Предписание, чтобы он «не допускал, чтобы кому бы то ни было были причинены несправедливость и насилие» позволяет предположить у него также и правоохранительных функций. По сути, те же обязанности возлагаются на Мухаммеда во втором акте: отражение «мятежников и бунтовщиков», недопущение «причинения насилия и совершения вымогательства в отношении кого бы то ни было». Эмиру из третьего акта предписано заниматься «защитой вилайета и подданных», наказание «неприятелей, противников, мятежников и бунтовщиков» недопущение «нанесения ущерба ни от одного влиятельного лица и насильника», защита от них «подданных и слабых».

Несомненно, для выполнения таких обязанностей такому сановнику следовало обладать определенными личными качествами и профессиональными навыками, которые были присущи именно представителям тюрко-монгольской кочевой знати, а не персидским штатским чиновникам. В целом эти качества и навыки отражены в наррации первого документа: «Эта цель может быть достигнута не иначе, как назначением человека, отмеченного храбростью, энергичностью, обладателя твердых и верных решений, справедливого и правосудного, имеющего большую свиту и многочисленное войско».

Соответственно, в первом документе предпочтение в назначении на пост эмира ольке отдано Малик-Тимуру, «являющемуся одним из величайших эмиров эпохи», отличающемуся «совершенной компетентностью, чрезвычайной доблестью и проницательностью, полной предусмотрительностью». Мухаммед, назначаемый на должность вторым ярлыком, «отмечен

чрезвычайной справедливостью и беспристрастностью, является вместилищем отваги, доблести и компетентности и способностей, непрерывно занят свершением важных дел и прилагает похвальные старания к их выполнению», известен «своей многой справедливостью и совершенной беспристрастностью». Эмир, назначению которого посвящен третий ярлык, «выделяется полной компетентностью, многой отвагой и доблестью, чрезвычайной справедливостью и беспристрастностью, будучи непрерывно занятым свершением важных деяний и всей совокупности [необходимых] дел, постиг все тонкости их отправления».

Однако ни наличие самых замечательных качеств, ни поддержка со стороны местной гражданкой администрации не позволили бы эмирам ольке в полной мере достичь поставленных целей. Несомненно, в первую очередь, для этого они должны были иметь в своем распоряжении храбрых и надежных воинов, которым, собственно, и предстояло непосредственно бороться с «врагами, бунтовщиками, мятежниками» и пр. В первом ярлыке прямо указывается, что в подчинении у Малик-Тимура имеются «эмиры сотен и воины» (это дает некоторые основания полагать, что сам эмир мог быть тысячником), которые должны выполнять его приказы «незамедлительно и в полной экипировке». В распоряжении Мухаммеда из второго ярлыка и неназванного эмира из третьего имеются нукеры в неназванном количестве. Это обстоятельство также объясняет, почему эмиром ольке мог стать именно представитель кочевой служилой знати.

Поскольку эмир ольке и его подчиненные должны были действовать в интересах местного населения, неудивительно, что именно на него ложились расходы по содержанию своих защитников. Так, в первом ярлыке содержится специальное указание на то, что на «покрытие его расходов и расходов находящихся при нем эмиров сотен и воинов», четко фиксированная сумма «из взимаемых там налогов и податей», которую он должен тратить на свои нужды и нужды своих подчиненных (ту самую экипировку и пр.). Сходным образом прописана во втором ярлыке обязанность населения содержать эмира Мухаммеда и его нукеров за счет сумм из местных налогов и податей. А в третьем акте это положение дополнено ссылкой на то, что сумма жалование эмира и его нукеров установлена Великим Диваном и даже зафиксирована в протоколе соответствующего его совещания, и для ее взыскания с населения ольке «изданы соответствующие бераты», то есть платежные ведомости.

Отметим, что платежи Малик-Тимуру и Мухаммеду охарактеризованные как ежегодные. В связи с этим нельзя не обратить внимания, что какие-либо сроки действия полномочий эмира ольке не фигурируют ни в одном из документов. Вероятно, подразумевается, что он должен полностью ликвидировать последствия либо внешнего вторжения, либо внутренних мятежей и бунтов и связанного с ними роста преступности, и полностью стабилизировать ситуацию в регионе, что, по мнению составителей ярлыков, могло занять достаточно долгое время.

Наряду с правами и обязанностями в ярлыках прописана также и ответственность эмира и его подчиненных. В отношении самого главы ольке она сформулирована в самых общих выражениях: чтобы он «не допускал, чтобы кому бы то ни было были причинены несправедливость и насилие». Для подчиненных санкции прописаны более явно: «Если по причине их нерадения будет нанесен ущерб, они должны быть наказаны».

Завершая наш анализ статуса эмира улька, считаем целесообразным вновь обратиться к наблюдениям Г. Дёрфера, проследившего также эволюцию термина «улька» в Иране уже пост-монгольского периода. Как он сообщает, в более поздних персидских источниках (XVI в.) — в частности, в «Ахсан ат-таварих» Хасан-бека Румлу и некоторых жалованных грамотах персидских шахов из династии Сефевидов «улка» — это уже некое наследственное владение, наделенное определенными льготами и иммунитетами (Doerfer 1963: 146—147). Наиболее ярко такая трактовка улька вытекает из упомянутого Г. Дёрфером суюргального ярлыка Касима б. Джахангира из династии Ак-Коюнлу, датируемого 1498 г.: в нем упоминается said ulka, то есть владение, принадлежащее сеиду — духовному лицу, выводившему свое происхождение от пророка Мухаммеда (Minorsky 1939: 957, 958).

Итак, как было отмечено выше, термин «ольке» фигурирует в источниках монгольского Ирана и державы Тимуридов (то есть, Чагатайского улуса). Что же касается Золотой Орды, то ее немногочисленные источники не содержат упоминаний ольке, однако, как представляется, мы можем провести некоторые аналогии с институтом эмира ольке в джучидской административной практике — хотя пока и на уровне предположений.

В качестве такого аналога нам видится институт, фигурирующий в источниках под названием «титям», «тетим» и т.д. Этот термин уже являлся предметом исследований специалистов. В рамках изучения сборника ярлыков ханов Золотой Орды русской церкви к термину «титям» обратился петербургский тюрколог А.П. Григорьев, которого привлекло наличие в ярлыке хана Мухаммада-Булака (Тюляка, 1379 г.) пассажа: «Мамаевою дядиною мыслию». Допуская, что знаменитый временщик мог, и в самом деле, являться близким родичем хана по матери, исследователь, тем не менее, вполне логично усомнился в том, что хан стал бы указывать степень такого родства в своем официальном указе. Поэтому «дядин» А.П. Григорьев истолковал именно как «титям». Правда, при выяснении значения термина он ограничился отсылкой к тюркскому «тетим», которое перевел как «стойкий, решительный» и интерпретировал применительно к ордынским властным реалиям как «упорно отстаивающий интересы хана». Соответственно, Мамай в его трактовке стал «особо уполномоченным» (Григорьев 2004: 182—184).

Также тетимы упоминаются в договорах золотоордынских наместников Крыма с властями генуэзской Кафы 1380 и 1381 гг. и в Уставе Кафы 1449 г.: в качестве таковых там фигурируют особые чиновники, представляющие интересы ханов в Кафе и обладающие правом суда над ханскими подданными (Джанов 2020: 700, 704; Юргевич 1863: 763).

Специальную статью институту «титям» посвятил петербургский же монголовед П.О. Рыкин, который проанализировал упоминания термина «титям» в русских летописях и сопоставил его с китайскими источниками. По итогам сравнительного анализа он пришел к выводу, что «титям» представляет собой кальку с китайского «тидянь», неоднократно встречающегося в китайских официальных актах, в том числе в жалованных грамотах императоров Юань. И в Китае, и в Золотой Орде это были чиновники, наделенные особыми широкими полномочиями для выполнения ответственных задач, поручавшихся ханами — послы, ревизоры, администраторы и т.д. Любопытно, что эта должность в империи Юань поручалась преимущественно тюркам, то есть, предполагала выполнение ими военных функций (Рыкин 2007).

Исследователи обращались и к вопросам употребление термина «титям» в более поздние периоды. Московский востоковед И.В. Зайцев, развивая построения А.П. Григорьева по поводу значения термина «тетик/титик», проанализировал материалы дипломатической переписки Московского государства с Крымским ханством конца XV — XVII в., обнаружив в них термин «теть», которую определил как должность советника или заместителя посла — главы дипломатической миссии (Зайцев 2011). Подобное значение, в принципе, отражало одну из ипостасей изначального «тидяня» в Юань и «тетима» в Золотой Орде, которые в источниках неоднократно фигурировали как исполнители дипломатических поручений.

Выводы И.В. Зайцева получили дальнейшее развитие в статье московского историка М.В. Моисеева, который прямо выводил термин «теть» из ордынской дипломатической практики, однако тоже склоняется к мысли что термин «теть» как обозначение важного члена посольства получил наибольшее распространение уже в пост-ордынский период. При этом он специально подчеркивает, что назначение тетя (заместителя посла) осуществлялось на основе личного ханского волеизъявления (Моисеев 2023: 684, 686). Подобное наблюдение, как представляется, вполне отражает значение обладателей должности тидянь/«титям» в империи Юань и Золотой Орде.

Поскольку наше исследование посвящено реалиям XIII—XIV вв., мы считаем оправданным сопоставить результаты нашего анализа ярлыков из «Дастур ал-катиб» с наблюдениями А.П. Григорьева и П.О. Рыкина, и это позволяет нам предположить, что «титям» и мог быть неким золотоордынским аналогом эмира ольке. По крайней мере, на

примере Мамая такая аналогия выглядит вполне обоснованной: в эпоху междоусобицы («замятни великой») он приобрел чрезвычайные полномочия по управлению Крымом и Северным Причерноморьем, что позволяло ему длительное время небезуспешно противостоять соперникам в борьбе за контроль над регионом, противодействовать попыткам венецианцев захватить часть ордынских владений в Крыму и т.д. В своей деятельности он сочетал инструменты административной, военной и дипломатической деятельности, что делает его полномочия весьма сопоставимыми с теми, которые предусматривались проанализированными ярлыками для эмиров ольке. То же можно сказать и о золотоордынских тетимах в генуэзской Кафе XIV—XIV вв.

К тому же, если мы допустим, что «титям» являлся аналогией данного персидского (и чагатайского) института, это позволит и дать ответ на причины отсутствия упоминаний такой должности в Золотой Орде. Если в улусах Хулагу и Чагатая получила распространение тюрко-монгольская традиция управления регионами на особом положении, то в Золотой Орде произошла рецепция из практики империи Юань и, соответственно, использовался китайский (с возможными тюркскими корнями?) аналог эмира ольке. В последующем же термин «титям» в пост-ордынских реалиях, как и термин «ольке» в Иране пост-монгольского времени, подвергся значительной трансформации, и его первоначальное значение, как мы могли убедиться, существенно изменилось.

Таким образом, на основании нашего исследования можно прийти к следующим выводам. Эмир ольке представлял из себя сановника, который должен был справиться со чрезвычайной ситуацией (бунт, мятеж и пр.) в отдельном регионе страны: способствовать возвращению бежавших жителей, бороться со смутьянами и врагами, защищать подданных от насилия. Эмиру ольке обязаны были подчиняться все должностные лица провинции. Он должен был обладать храбростью и энергичностью. Расходы на содержание эмира и его воинов покрывались за счет местных сборов. Срок действия полномочий эмира ольке, по-видимому, ограничивался временем стабилизации ситуации в регионе.

Вероятным аналогом должности эмира ольке в Золотой Орде мог быть титям. Данный термин, видимо, был заимствованный из практики империи Юань, однако при этом нельзя не принять во внимание и версию исследователей о том, что он мог иметь и изначально тюркское происхождение.

Литература

АВ ИВР РАН. Ф. 52. Тизенгаузен В.Г. Из сочинения Мухаммада Хиндушаха Нахчивани. Рукописный перевод. Ед.хр. 14—16. Л. 217—239.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. 1998. *Золотая Орда и ее падение*. Москва: Богородский печатник.

Григорьев А.П. 2004. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Источниковедческий анализ золотоордынских документов. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет.

Джанов А.В. 2020. Татаро-генуэзские договоры 1380 и 1381 годов. *Золотоордынское обозрение*, 8 (4) 675—713.

Зайцев И.В. 2011. Кто такой теть? *Золотоордынская цивилизация*, 4, 29—34.

Козин С.А. 1941. *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.* Москва; Ленинград: АН СССР.

Кораев Т.К. 2006. Социально-политические функции вазирата в государстве Хулагуидов второй половины XIII — начала XIV в. В: Ацамба Ф.М. и др. (ред.). *Meyeriana. Сборник статей, посвященный 70-летию М.С. Мейера.* Т. I. Москва: Гуманитарий, 11—45.

Моисеев М.В. 2023. К вопросу об организации дипломатической службы в постордынских чингизидских государствах в XVI веке (Крымское и Казанское ханства): тети и бакшеи. *Золотоордынское обозрение* 11 (3), 681—692.

Мустакимов и др. 2025: Мустакимов И.А., Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Почекаев Р.Ю. Баскак, даруга, шихне: к проблеме соотношения должностей. Ч. 1. Институт шихне и его эволюция. *Золотоордынское обозрение* 13 (3), 523—542 .

Нахчивани 1976: Али-заде А.А. (крит. текст, пред. и указ.). 1976. Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани. *Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней)*. Т. II. Москва: Наука.

Рашид ад-Дин 1971: Фалина А.И. (пер.). 1971. Рашид ад-Дин. *Переписка.* Москва: Наука.

Рыкин П.О. 2007. Титям: об одном китайском титуле в средневековых русских летописях. В: Вахтин Н.Б., Левинтон Г.А. (ред.). А*Б-60. Сборник статей к 60-летию Альберта Кашфулловича Байбурина*. Сангт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 475—492.

Юргевич В. 1863. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 году. *Записки Одесского общества истории и древностей*, V, 629—837.

Doerfer G. 1963. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit*. Bd. 1. Mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH.

Hammer-Purgstall J. Von 1840. *Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag.

Herrmann G. 2004. *Persische Urkunden der Mongolenzeit*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

Minorsky V. 1939. A "Soyūrghāl" of Qāsim b. Jahāngīr Aq-qoyunlu (903/1498). *Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London* 9.4, 927—960.

de Rachewiltz. I. (transl.), 2004: *The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*. Vol. II. Leiden; Boston: Brill, 641—1347.

References

AV IVR RAN. F. 52. Tiesenhausen, W.G. Iz sochineniya Muhammada Hindushaha Nakhchivani. Rukopisnyi perevod. Storage unit. 14—18. P. 217—239.

Grekov, B.D., Yakubovskiy, A.Yu. 1998. *Zolotaya Orda i ee padenie (Golden Horde and its fall).* Moscow: Bogorodskiy pechatnik (in Russian).

Grigor'ev, A.P. 2004. *Sbornik khanskikh yarlykov russkim mitropolitam. Istochnikovedcheskiy analiz zolotoordynskikh dokumentov (Collection of khans' yarliks to Russian metropolitans. Source study analysis of the Golden Horde documents))*. Saint Petersburg: St. Petersburg University (n Russian).

Dzhanov, A.V. 2020. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review),* 8 (4), 675–713 (In Russian).

Koraev, T.K. 2006. In: Atsamba, F.M. et al. (ed.). *Meyeriana. Sbornik statey, posvyashchenniy 70-letiyu M.S. Meyera.(Collected works on the occasion of the 70th anniversary of M.S. Meyer).* Vol. I. Moscow: Gumanitariy, 11—45 (in Russian).

Kozin, S.A. 1941. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 g. (Secret History. Mongolian Chronicle of 1240).* Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR (in Russian).

Moiseev, M.V. 2023. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 11 (3), 681—692 (in Russian).

Mustakimov et al. 2025: Mustakimov, I.A., Abzalov, L.F., Gatin, M.S., Pochekaev, R.Yu. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 13 (3), 523—542 (in Russian).

Nakhchivani 1976: Ali-zadeh, A.A. (text, intr., index). Mukhammad ibn Khindushakh Nakhchivani. *Dastur al-katib fi ta'yin al-maratib (Rukovodstvo dlya pistsa pri opredelenii stepeney) (A Scribe's Guide to Determining Degrees).* Vol. II. Moscow: Nauka (in Russian and Persian).

Rashid ad-Din 1971: Falina, A.I. (transl., intr. and comm.). 1971. Rashid ad-Din. *Perepiska (Correspondence)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Rykin, P.O. 2007. In: Vakhtin, N.B., Levinton, G.A. (eds.). *AB-60. Sbornik statey k 60-letiyu Al'berta Kashfullovicha Bayburina (Collected articles on the occasion of 60th Anniversary of Albert Kashfullovich Bayburin).* Saint Petersburg: European University in Saint Petersburg, 475—492 (in Russian).

Yurgevich, V. 1863. In *Zapiski Odesskogo obschestva istorii i drevnostey (Proceedings of the Odessa Society of History and Antiquities)*. 5, 629—837 (In Russian, Latin).

Zaytsev, I.V. 2011. In *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya (Golden Horde Civilization)* 4, 29—34.

Doerfer, G. 1963. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit*. Bd. 1. Mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH.

Hammer-Purgstall, J. Von 1840. *Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag.

Herrmann, G. 2004. *Persische Urkunden der Mongolenzeit*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

Minorsky, V. 1939. A "Soyūrghāl" of Qāsim b. Jahāngīr Aq-qoyunlu (903/1498). *Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London* 9.4, 927—960.